

О феномене бесполезных работ

Дэвид Грэбер

Август 2013

В 1930 году Джон Мейнард Кейнс предсказал, что к концу столетия технологии будут достаточно развиты для того, чтобы в таких странах как Великобритания или США рабочая неделя могла быть сокращена до 15 часов. Нет никаких сомнений в том, что он был прав. С технической точки зрения такая возможность действительно есть, но она не была реализована. Напротив, технологии были использованы для того, чтобы все мы стали работать больше. Для этого создаваемые рабочие места фактически должны быть бессмысленными. Масса людей в Европе и Северной Америке тратят все свое рабочее время на выполнение заданий, в необходимость которых не верят сами. Моральный и интеллектуальный ущерб, порождаемый этой ситуацией хорошо известен — это шрам на душе нашего общества, и в настоящее время эта тема практически не обсуждается.

Почему же обещанная Кейнсом утопия, так страстно желанная в 60-х, никогда не была реализована? Стандартный ответ на этот вопрос сегодня гласит, что Кейнс не учёл растущее значение консьюмеризма, а выбирая между уменьшением рабочего времени и большим количеством игрушек и удовольствий, мы коллективно предпочли последнее. Но поразмыслив всего минуту, можно сказать, что эта милая нравоучительная сказка не является правдивой. Да, начиная с 20-х годов, мы были свидетелями создания бесконечного разнообразия работ и отраслей промышленности, но лишь немногие из них имели отношение к производству и распространению суши, айфонов и модных кроссовок.

В чем же именно заключалась деятельность на новых рабочих местах? Предельно ясный ответ даёт недавний отчет, сравнивающий структуру занятости в США в период между 1910 и 2000 годом (подчеркну, что в Великобритании ситуация аналогична). В течение всего прошлого века численность работников, занятых в промышленности, сельском и коммунальном хозяйстве резко снижалась. Одновременно, число «менеджеров, клерков, специалистов и работников сферы продаж и услуг» утроилось, с «одной до трех четвертей от общего числа занятых». Другими словами, рабочие места в производстве, как и было предсказано, были автоматизированы и сокращены (даже с учетом промышленных работников во всем мире, включая потогонные производства в Индии и Китае, процент занятых в этой сфере не сопоставим с тем, каким он был раньше).

Но вместо уменьшения времени работы и освобождения населения Земли для занятий своими собственными проектами, увлечениями, мечтами и идеями, мы стали свидетелями вздутия не столько сферы «услуг», сколько административного сектора, создания сферы финансовых услуг и телемаркетинга, беспрецедентного расширения секторов корпоративного права, управления образованием и здравоохранением, человеческими ресурсами и публичными отношениями. Причем численность занятых в них даже не учитывает всех тех людей, чья занятость связана с осуществлением безопасности, административной и технической поддержкой этих отраслей и, если уж на то пошло, дополнительных сфер деятельности (например, круглосуточной доставки пиццы или мойки собак), которые существуют только потому, что все остальные люди тратят большую часть своего времени на другую работу.

Это именно то, что я называю бесполезной работой.

Как будто бы кто-то специально создает все эти бессмысленные специальности, только для того, чтобы занять нас работой. И именно здесь и скрывается тайна. Для капитализма это как раз то, что не должно происходить. Конечно же в старых, неэффективных социалистических странах, таких как СССР, где занятость одновременно считалась и правом, и священным долгом, система создавала ровно столько рабочих мест, сколько было необходимо (именно поэтому в советских универсамах три продавца продавали один кусок мяса). Но ведь предполагается что, конкуренция и свободный рынок должны решать именно такие проблемы. Согласно экономической теории, фирма, стремящаяся к максимизации прибыли, никогда не должна тратить деньги на работников, нанимать которых нет необходимости. Однако это каким-то образом происходит.

Когда корпорации занимаются бессмысленными сокращениями, страдают те люди, которые действительно что-то делают, меняют, чем-то управляют. Путем каких-то особых манипуляций, которые никто толком не может объяснить, число получающих зарплату бумагоперебирателей каким-то образом расширяется, и все больше и больше людей, почти как в Советском Союзе, обнаруживают, что работают 40 или 50 часов в неделю, из которых эффективными являются 15, как и предсказывал Кейнс, так как все остальное время они заняты организацией или посещением мотивирующих семинаров, редактированием своих страничек на facebook или скачиванием сериалов.

И ответ явно не является экономическим: он лежит в области морали и политики. Правящий класс уже давно уяснил, что счастливый и продуктивный народ со свободным временем смертельно опасен (вспомните о том, что было, когда все это только начало появляться в 60-е). С другой стороны, чувство, что работа сама по себе обладает моральной ценностью, и что тот, кто не желает тратить большую часть своего времени на ту или иную работу, ничего не заслуживает, невероятно убедительно для них.

Однажды, во время наблюдений кажущегося бесконечным роста числа административных должностей в британских научных учреждениях, мне в голову пришла идея того как мог бы выглядеть ад. Ад это группа людей, которые тратят массу времени на работу, которая им не нравится и не особенно получается. Допустим, их наняли как замечательных столяров, но они обнаруживают, что большую часть времени они должны жарить рыбу. Да и труд их не особо востребован — фактически

нужно пожарить весьма небольшое количество рыбы. Однако каким-то образом, они все оказываются настолько одержимы негодованием по поводу того, что их коллеги тратят больше времени на изготовление мебели, чем на свою часть работы по обжарке, что пока всё не будет завалено штабелями плохо приготовленной рыбы это станет их основным занятием.

Мне кажется это достаточно точное описание смещения морали в нашей экономике.

Я понимаю, что подобные аргументы подвергнутся немедленным возражениям: «Кто ты такой, чтобы решать какие профессии по-настоящему «необходимы»? В чем заключается необходимость? Ты профессор антропологии, какая от тебя польза? (И действительно, множество читателей желтой прессы несомненно отнесут мою работу к числу бесполезных общественных расходов). С другой стороны, все это действительно так. Не существует объективной возможности измерить ценность работы для общества.

Я не предлагаю переубеждать тех, кто считает, что своим трудом делает мир лучше. Как насчет людей, которые сами убеждены в том, что их работа бессмысленна? Не так давно я встречался со школьным другом, которого не видел с 12 лет. Я был невероятно удивлен тем, что с того времени, он сперва стал поэтом, а потом певцом в инди-рок группе. Я слышал его песни по радио и даже не догадывался, что их поет знакомый мне человек. Он очевидно был талантливым и оригинальным, а его труд безусловно освещал и улучшал жизни людей по всему миру. Несмотря на это, после двух неудачных альбомов, он лишился контракта, увяз в долгах и заботах с новорожденной дочерью, и закончил, выражаясь его же словами: «избрав основную дорогу столь многих бесцельных парней: школу права». Теперь он юридический консультант в известной нью-йоркской компании. Он первым признал, что его работа абсолютно бессмысленна, не приносит никакой пользы миру, и по его собственному мнению, не должна существовать.

Вопросов возникает немало, начиная с «почему наше общество формирует столь малые запросы на талантливых поэтов и музыкантов и фактически бесконечные потребности в специалистах по корпоративному праву»? (Ответ: когда 1% населения Земли контролирует большую часть всех производимых благ, то что мы называем «рынком» отображает именно их представление о том, что полезно и важно, а не чье-либо ещё). Более того, это показывает, что большинство людей этих профессий осознают своё положение. Я даже не уверен встречал ли я когда-нибудь в своей жизни юриста, который не считал свою работу бесполезной, точно такая же ситуация характерна почти для всех новых отраслей о которых упоминалось выше. Попробуйте поговорить с кем-нибудь из этого класса специалистов на твердом окладе где-нибудь на вечеринке и упомяните о том, что вы занимаетесь чем-либо интересным (антропологией, например), и вы увидите стремление полностью избежать какое-либо обсуждение их сферы деятельности. Пропустите с ними пару стаканов, и они предадутся рассуждениям о том насколько глупа и бессмысленна их работа.

Такие психологические травмы хорошо известны. Как можно говорить о гордости за свой труд, когда в глубине души ты чувствуешь, что твоя работа не нужна? Как могут не возникать чувства негодования и скрытой злости? Злой рок нашего общества заключается в том, что его правители нашли способ перевести нашу ярость именно

на тех, кто занят по-настоящему полезной работой, как в случае с обжарщиками рыбы. Как будто в нашем обществе действует глобальный закон: чем более явно выражена польза от работы какого-либо человека для других людей, тем меньше ему за это платят. Позволю повториться, трудно оценить объективный масштаб проблемы, но есть смысл поставить вопрос: «что произойдет если весь этот класс просто исчезнет»? Вы можете говорить что угодно о медсестрах, мусорщиках или механиках, но очевидно, что если они растворятся как дымка в воздухе, результаты проявятся немедленно и будут катастрофичными. Мир без учителей или докеров скорее всего окажется в беде, а без писателей-фантастов или ска-музыкантов возможно будет менее приятным. Совершенно не ясно как пострадает человечество если исчезнут все председатели правления, пиарщики, лоббисты, специалисты по страховым расчетам и телефонным продажам, судебные приставы или юрисконсульты (список можно существенно увеличить). Если не рассматривать небольшие количества высококлассных специалистов (например, докторов), этот закон работает удивительно хорошо.

Более того, как будто бы в воздухе витает ощущение, что так и должно быть. В этом один из секретов силы правого популизма. Обратите внимание на то, как газеты разжигают недовольство работниками лондонского метро во время их забастовки из-за условий найма: сам факт того, что работники метро смогли парализовать Лондон показывает, что их работа действительно необходима, но кажется именно это и раздражает людей. В США это стало ещё более очевидно, когда республиканцы добились заметного успеха в разжигании злости по отношению к школьным учителям и рабочим автопрома (заметьте, но не к администраторам системы среднего образования и не к менеджерам автомобильной промышленности, в действительности являющихся причиной проблемы) за их якобы раздутые заработные платы и социальные льготы. Как если бы они говорили: «Но вы ведь учите детей! Производите машины! У вас есть настоящая работа! И помимо всего этого вам хватает наглости требовать такого же уровня пенсий и медицинского обслуживания как у среднего класса?»

Если бы кто-то специально проектировал рабочий режим идеально подходящий для поддержания власти финансового капитала, трудно представить себе, что он мог бы сделать его лучше. Фактически, работники производительных сфер подвергаются безжалостному давлению и эксплуатации. Их остатки расположены между затерроризированной, всеми осуждаемой стратой безработных и значительно большей стратой тех, кто в сущности получает свою зарплату за ничегонеделанье на должностях, созданных таким образом, чтобы занимающие их солидаризировались с перспективами и чувствами правящего класса (менеджеров, администраторов и т.д.) и в частности с его финансовыми аватарами, но одновременно с этим испытывали еле сдерживаемую ярость в отношении тех, чья работа обладает ясной и безусловной общественной значимостью. Безусловно, система не была создана сознательно. Она возникла благодаря столетию проб и ошибок. И это единственное объяснение тому, что несмотря на наши технологические возможности, мы все ещё не работаем по 3-4 часа в день.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Дэвид Грэбер
О феномене бесполезных работ
Август 2013

Скопировано 2018-02-09 с <https://avtonom.org/news/david-greber-o-fenomene-bespoleznyh-rabot>

ru.theanarchistlibrary.org